УДК 94(470.63).084.8.378

И. В. Карташев

К ВОПРОСУ О РАБОТЕ ВОРОШИЛОВСКОГО (СТАВРОПОЛЬСКОГО) МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ (1942–1943 гг.)

В статье рассматриваются вопросы функционирования Ворошиловского (Ставропольского) государственного медицинского института во время немецко-фашистской оккупации, продлившейся с августа 1942 по январь 1943 года. Молодой вуз, имевший в своем распоряжении к моменту начала оккупации хорошую материально-техническую базу, был полностью укомплектован необходимым персоналом и готов к выпуску довольно большого количества специалистов. Обусловлено это было, прежде всего, эвакуацией в Ворошиловск материальной базы, сотрудников и студентов Днепропетровского государственного медицинского института. В свою очередь немецкое командование, руководствуясь принципом практической необходимости и стремясь избежать вспышек различных заболеваний, после захвата города проявляло заинтересованность в подготовке медицинских специалистов соответствующей квалификации для всего Северного Кавказа. Тем не менее, учебный процесс в институте был прерван, что было вызвано, в первую очередь, уничтожением значительной части профессорско-преподавательского состава, осуществленным преимущественно в августе и сентябре 1942 года в ходе карательных акций против мирного населения города. Несмотря на ряд подготовительных мероприятий попытки новых властей возобновить учебу в вузе успехом не увенчались, при этом в институте работал ряд подразделений, не связанных напрямую с организацией учебного процесса, а отдельные его сотрудники продолжали заниматься лечебной работой на клинических базах института. В статье предпринята попытка обобщить известную информацию, рассмотреть различные оценки данного периода истории института, а также определить характер деятельности вуза во время оккупации с учетом ранее неиспользовавшихся источников.

Ключевые слова: Ворошиловский (Ставропольский) медицинский институт, Великая Отечественная война, оккупация, холокост.

I. V. Kartashev

ON THE WORK OF THE VOROSHILOV (STAVROPOL) MEDICAL INSTITUTE DURING GERMAN OCCUPATION (1942–1943)

The article describes the functioning of Voroshilov (Stavropol) state medical Institute during the Nazi occupation thatlasted fromAugust 1942 to January 1943. The recently established University in possession of appropriate material and technical base at the time of the occupation was fully staffed and ready to train a large number of specialists. This was due to, first, the evacuation of material resources, employees and students of the Dnepropetrovsk state medical Institute to Voroshilovsk. In turn, the German command guided by the principle of practical necessity and seeking to avoid outbreaks of various diseases showed interest in training medical specialists with appropriate qualifications for the entire North Caucasus after the capture of the city. Nevertheless, the educational process at the Institute was interrupted. It was caused primarily by liquidation of a significant part of the teaching staff carried out mainly in August and September 1942 during the punitive actions against the civilian population of the city. Despite a number of preparatory activities, the attempts of new authorities to resume their studies at the University failed. At the same time, there wasa number of units in the Institute that did not directly relate to the organization of the educational process, and some of their employees continued to be engaged in medical work at the clinical sites of the Institute. The article attempts to summarize available information, consider various evaluations of the given historical period of the Institute, as well as specify the activity conducted in the University during the occupation with account of sources that have not been previously used.

Key words: Voroshilov (Stavropol) medical Institute, the Great Patriotic war, occupation, Holocaust.

В прошедшие после Великой Отечественной войны десятилетия события, связанные с оккупацией города Ставрополя немецко-фашистскими захватчиками, неоднократно освещались как в периодической печати, так и в различных научных изданиях. К вопросам работы органов здравоохранения в нашем регионе, функционирования медицинских учебных заведений в данный период неоднократно обращались в своих исследованиях В. М. Кононенко, С. И. Линец, А. В. Карташев, Н. Д. Судавцов и другие ученые. Существенный объем фактологического материала по данной проблематике содержит книга «Оккупация» Г. А. Беликова. В этих исследованиях в той или иной мере затрагиваются и вопросы, связанные с деятельностью Ставропольского (в 1938–1943 гг. – Ворошиловского) медицинского института. Однако следует заметить, что информация о нем в рассматриваемый период времени носит по большей части фрагментарный, а зачастую и противоречивый характер.

Так, например, исследователи по-разному описывают этот период истории Ставропольского медицинского института. В частности, В. М. Кононенко отмечает, что 3 августа 1942 г., после оккупации города, институт прекратил свое существование. Молодой, еще не окрепший вуз жестоко пострадал от бомбежек и грабежа фашистов, а судьба многих преподавателей сложилась трагически [25].

Авторы другой работы М. Д. Шамилева и С. И. Линец пишут, что в период немецко-фашистской оккупации Ставропольский медицинский институт возобновил свою работу. Оставшийся в краевом центре профессорско-преподавательский состав института приступил к проведению занятий со студентами. Благодаря усилиям преподавателей и сотрудников медицинского института, во время оккупации было сохранено практически все его имущество, за исключением мебели, которую немецкие власти вывезли из помещений института в свои оккупационные учреждения, в большом количестве находившиеся в Ставрополе [39, с.148].

Директор института П. В. Полосин в исторической справке, довольно подробно описывая сложившуюся ситуацию, однозначно говорит о том, что «институт не работал в течение 6 месяцев, на протяжении которых город был временно оккупирован» [21, л. 37]. Противоречия налицо.

Целью настоящей статьи является систематизация известной информации, уточнение ряда спорных моментов и определение характера деятельности вуза с учетом ранее неиспользовавшихся исторических источников.

Ворошиловский медицинский институт был основан в 1938 году, и к лету 1942 года студенты первого набора завершали обучение на четвертом курсе. С учетом сокращения сроков обучения ввиду военного времени они готовились к сдаче государственных экзаменов и выпуску в августе.

С июля 1941 года институт пополнился сотрудниками и студентами медицинских вузов Украины и западной части России. В августе 1941 года на основании телеграфного распоряжения от 21 августа 1941 г. НКЗ СССР и Председателя ВКВШ при СНК СССР в Ворошиловск со своей материальной базой был эвакуирован Днепропетровский медицинский институт, в составе которого прибыло 96 сотрудников и около 400 студентов [21, л.37].

В связи с наплывом обучающихся в Ворошиловском медицинском институте в 1941–1942 учебном году на четырех курсах проходили обучение 1929 студентов, функционировали 33 кафедры [16, л. 16]. Что касается преподавательского состава института, то непосредственно к моменту эвакуации он состоял из: заведующих кафедрами – 33; профессоров, докторов наук – 28, профессоров кафедр – 7, доцентов кафедр – 16, ассистентов – 78 [21, л. 37].

Коллектив был сборным: основная часть профессорско-преподавательского состава была представлена преподавателями Ворошиловского и Днепропетровского медицинских институтов. Должность директора института сохранил П. В. Полосин, а его коллега М. М. Тростанецкий из Днепропетровского вуза стал его заместителем [23, с. 72].

Первый в истории института выпуск был осуществлен буквально перед оккупацией города. Согласно Справке о состоянии и работе Ставропольского медицинского института за время Отечественной войны за подписью директора института П. В. Полосина, составленной в сентябре 1944 года, говорится о том, что первый выпуск врачей институт произвел без государственных экзаменов накануне эвакуации 2 августа 1942 года в количестве 319 человек [21, л. 37].

Иные данные на этот счет приводятся в учебном пособии «Вузы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны», один из разделов которого посвящен работе Ставропольского медицинского института. В частности, указывается, что «1 августа 1942 года из стен вуза вышло 389 молодых врачей из числа студентов 4-го курса, получивших без сдачи

государственных экзаменов документ военного образца, который впоследствии подлежал обязательному обмену на диплом установленного образца» [35, с. 58]. Автор материала А. В. Карташев при подсчете числа выпускников руководствовался документами из архива Ставропольского государственного медицинского университета: согласно приказу по институту № 205-А от 27.07.1942 г. 341 студент, сдавший все экзамены и зачеты за 4-й курс, был допущен к государственным экзаменам, которые затем не состоялись (следовательно, все они автоматически стали выпускниками). Кроме того, в архиве СтГМУ хранится отдельный список из 48 студентов – выпускников 1942 года, не включенных в приказ № 205-А.

Отсутствие более достоверной информации о количестве выпущенных врачей Ворошиловским медицинским институтом в 1942 году объясняется тем, что при эвакуации вуза погибли списки студентов, окончивших институт в 1942 году и получивших дипломы, а также картотека на них, что подтверждается Актом обследования архива института после оккупации от 31.05.1944 [20, л. 6].

Характеризуя материально-техническую базу института, необходимо отметить, что к началу войны институт располагал тремя учебными корпусами, в которых располагались теоретические кафедры трех первых курсов и библиотека. Клинической базой служили соответствующие отделения городской больницы, родильный дом, краевая венерологическая больница, краевая туберкулезная больница и психиатрическая больница. В течение первого года войны институт получил дополнительный двухэтажный учебный корпус, а клиническая база существенно расширилась за счет эвакогоспиталей, в которых располагалась клиника госпитальной терапии, хирургическая клиника и инфекционная больница. В это же время произошли некоторые изменения в коммунально-бытовой сфере. В частности, институт развернул общежитие на 25 мест, арендовал 330 углов для студентов, организовал питание студентов и сотрудников института в закрытой столовой Треста общественного питания [21, л. 37].

Таким образом, до начала оккупации Ворошиловский медицинский институт был практически полностью укомплектован преподавательским составом, имел в своем распоряжении обширную материально-техническую базу, был способен обеспечить учебный процесс и готов к выпуску довольно большого количества специалистов.

В связи с наступлением немецко-фашистских войск на южном фланге фронта летом 1942 года ряд медицинских вузов юга России и Северного Кавказа были эвакуированы из районов ведения боевых действий. В их числе были Кубанский, Ростовский, Сталинградский, Астраханский институты, которые продолжили свою деятельность в других городах СССР. Иначе сложилась судьба Ворошиловского медицинского института.

По решению местных властей Ворошиловский медицинский институт должен был эвакуироваться на станцию Аполлонскую Орджоникидзевского (с 1943 г. – Ставропольского) края. По воспоминаниям очевидцев, по плану для эвакуации вуза выделялось два железнодорожных состава. Семьям преподавателей выдавались соответствующие предписания. В частности, предписание на эвакуацию во втором эшелоне было выдано семье профессора А. Н. Полонского, однако воспользоваться им она не смогла [27, с. 196].

Попытка организованной эвакуации сотрудников института в условиях стремительно развивающегося наступления противника оказалась неудачной. Вся железнодорожная линия на Баку была переполнена эшелонами с оборудованием эвакуируемых предприятий и беженцами. Образовалась огромная пробка, которая одновременно препятствовала и подвозу войск и боеприпасов к линии фронта. Работая с предельным напряжением, железная дорога была не в состоянии пропустить все составы, и они стояли на запасных путях, дожидаясь своей очереди. Даже все самые маленькие полустанки были загромождены эшелонами с беженцами [37, с. 307].

Согласно архивным документам, железнодорожный состав для эвакуации преподавателей института был подан на вокзал 3 августа 1942 года. Однако вскоре после отправки он подвергся налету авиации врага и был остановлен под станцией Палагиада. Значительная часть сотрудников института после бомбардировки эшелона, побросав свои личные вещи, пешком вернулись в город, в который к тому времени уже входили немецкие войска. Некоторые все-таки смогли пробраться за линию фронта, значительной части это не удалось.

Трагедией закончилась попытка выйти своим ходом из города одной из групп сотрудников медицинского института. Эти люди попали в руки оккупантов в Пятигорске и Кисловодске и там были уничтожены. В их числе находились: В. В. Браиловский – профессор кафедры психиатрии с женой и сыном, Р. А. Булгач – доцент по курсу туберкулеза, И. А. Цымбалова – ассистент кафедры инфекционных болезней с ре-

бенком, Р. Р. Варшавская – ассистент кафедры глазных болезней с ребенком, Т. Г. Горовиц – лаборантка кафедры с сестрой, ребенком и отцом [19, л. 18].

Согласно докладной записке директора института П. В. Полосина, составленной в 1943 г., после окончания оккупации, из числа профессорско-преподавательского состава эвакуироваться смогли 25 человек: директор института П. В. Полосин, заместитель директора М. М. Тростанецкий, профессора М. Б. Голомб, И. С. Слуцкий, М. Т. Фридман, Б. Г. Векснер, И. С. Мильман, А. В. Заславский, И. Ф. Каплан, И. А. Бейлин, Я. А. Лазарис, Д. А. Цуверкалов, Ю. А. Петровский, С. С. Познанский, Б. М. Шкляр, И. Я. Штрум, доценты В. Л. Гербильский, М. П. Деревягин, Л. М. Кульберг, Ф. И. Трахтенберг, старшие преподаватели И. С. Файтельсон, И. С. Туркенич, ассистенты Н. Н. Савченко, Н. Г. Кондракова, А. А. Мирская [18, л. 11].

Из другого документа следует, что часть этих людей находилась в упомянутом выше поезде. В одной из справок об установлении ущерба институту указано, что все имущество потеряли в эшелоне следующие товарищи: профессора Цуверкалов, Каплан, Фридман, Векснер, Слуцкий, Шкляр, Шварцман, Падалка, Познанский, Штрум, Лазарис, доцент Кульберг и ассистенты ряда кафедр [19, л. 53]. Надо полагать, что эти лица, кроме профессора Я. С. Шварцмана, выходили из города пешком и им удалось пройти на неоккупированную территорию.

В момент захвата гитлеровцами Ворошиловска группа руководящих сотрудников института, согласно положению об эвакуации, покинула город на автомобильном транспорте. В задачи администрации в этот момент входила организация вывоза, а в случае невозможности – уничтожение текущей и архивной документации вуза.

Изучение биографических данных эвакуировавшихся лиц позволило составить географию тех мест, где оказались представители Ворошиловского медицинского института в период оккупации. Так, профессор-эпидемиолог С. С. Познанский работал начальником городской противоэпидемической станции в Ташкенте, профессор М. Б. Голомб был заведующим кафедрой детских болезней в городе Кзыл-Орда в Крымском медицинском институте, а профессор Б. Г. Векснер в звании майора медицинской службы занимал должность старшего инспектора лечебного отделения МЭП № 60, расположенном в Ташкенте. Доцент М. П. Деревягин работал на кафедре патологической физиологии Курского медицинского института, эвакуированного в Алма-Ату, доцент Л. М. Кульберг – на кафедре химии в Челябинске в Киевском медицинском институте. Значительная часть сотрудников обосновалась в Фергане, где они влились в состав 4-го Московского медицинского института. Среди них: директор института П. В. Полосин, заместитель директора М. М. Тростанецкий, профессор Я. А. Лазарис, доцент В. Л. Гербильский и некоторые другие.

Кроме того, по словам самого П. В. Полосина, часть сумевших эвакуироваться сотрудников института во время оккупации Ворошиловска работала в других институтах СССР и военных госпиталях [21, л. 37].

Следует отметить, что эвакуация учебно-вспомогательного персонала вуза, скорее всего, вообще не была организована. Так, лаборант кафедры микробиологии О. Н. Мушаилова с двумя сыновьями пыталась эвакуироваться из города на подводе. По воспоминаниям одного из сыновей, из района Невинномысска им пришлось вернуться в Ворошиловск, так как там уже были немцы [23, с. 75].

Что касается эвакуации студентов и выпускников института, то в сложившихся условиях она спланирована не была. Молодые люди принимали решение о выходе из города самостоятельно. Так, своим ходом покинули Ворошиловск студенты С. Я. Шварцман, И. Т. Виленский, выпускник института Х. Н. Хатламаджиев со своим товарищем [24, с. 87]. Единицы выпускников успели до оккупации города попасть в ряды РККА, будучи мобилизованными Ворошиловским городским военным комиссариатом. Они покинули город в составе воинских команд. Некоторые из них были призваны уже Моздокским РВК [36, с. 8–17]. Однако многие студенты и выпускники остались в оккупации. В первую очередь оставались в городе местные студенты. Среди них, например, были студенты 4 курса И. Я. Заболотный и С. А. Крылова, студентка 2 курса Н. М. Тер-Нерсесянц (в замужестве Бегларянц), выпускница С. С. Островская и другие.

Данных об эвакуации оборудования медицинского института в архивных документах обнаружить не удалось. Напротив, по косвенной информации, связанной с учетом убытков, понесенных вузом во время оккупации, можно сделать вывод, что основная часть оборудования на момент захвата города немцами продолжала находиться на территории института.

В одном из актов по установлению ущерба институту говорится, что 3 августа 1942 г. после длительной беспрерывной бомбардировки

города с воздуха немцы заняли город. Территория медицинского института и его учебного корпуса, находящегося на ул. Кагановича под № 6–8 со всеми вспомогательными служебными помещениями, 3 августа 1942 года были заняты немецкими танковыми частями [19, л. 60]. Таким образом, в оккупированном Ворошиловске осталась значительная часть сотрудников и студентов, а также материальная база медицинского института.

Захватив город, немцы в первую очередь взяли на учет лиц, владеющих определенными специальностями, в том числе связанными с медициной. Так, уже 4 августа 1942 года, на следующий день после начала оккупации, комендант города издал приказ №1 о том, что в городскую управу для регистрации должны явиться: инженеры, техники, мастера, слесари, механики, врачи, фельдшеры, младший медицинский персонал, лица, владеющие немецким языком, все несущие какую-либо ответственность за сохранность государственного имущества [34, с. 2]. Затем немцы обязали всех граждан в возрасте от 18 до 55 лет, проживающих и находящихся в городе, явиться на биржу труда для регистрации [30, с. 2]. Имеющим работу предписывалось явиться на свои рабочие места, а тем, кто ее не имел, в зависимости от их специальности на бирже могла быть предложена работа. Одновременно немецкими властями был организован «учет» еврейского населения. Но делалось это не в интересах трудоустройства, а в карательных целях. 6 августа 1942 г. в газете «Русская правда» и на афишных тумбах появились объявления, а также были транслированы радиообращения следующего содержания: все без исключения евреи, прибывшие в Ворошиловск после 22 июня 1941 г., обязаны собраться 12 августа в 7 часов утра на Ярмарочной площади для дальнейшей отправки на поселение в свободные от населения места. Только 12 августа на площади недалеко от железнодорожного вокзала собралось более 3,5 тысяч «иногородних» евреев, которые вместо отправки на Украину вывозились в лес и расстреливались. Основная масса эвакуированных из других регионов страны евреев была уничтожена в районе Казенного леса. 14 августа гитлеровцы обязали явиться к зданию гестапо местных граждан еврейской национальности якобы для регистрации и получения нарукавных повязок. Более 600 человек следующим утром были вывезены в район аэродрома и Таманского леса и расстреляны [14, с. 64, 68].

Наиболее крупные карательные акции в городе прошли в августе и сентябре 1942 г. Именно в этот период преимущественно пострадали и сотрудники медицинского института. Согласно Акту комиссии по учету убытков, причиненных немецко-фашистскими оккупантами Ворошиловскому медицинскому институту, в числе лиц, уничтоженных при «эвакуации» и «регистрации» еврейского населения, были следующие сотрудники вуза: профессор кафедры нормальной анатомии Р. И. Полонская с отцом и матерью, доцент кафедры биологии Л. Б. Каменко с дочерью, доцент кафедры госпитальной терапии Р. М. Майзелиш, ассистент кафедры общей химии Э. А. Блехман с отцом, ассистент кафедры оперативной хирургии С. И. Идашкина, ассистент кафедры факультетской терапии Э.М. Гаркави с мужем и сыном, ассистент кафедры нервных болезней М. И. Лидерман с женой, матерью и ребенком, сестра ассистента кафедры глазных болезней Ц. И. Линецкой, ординатор факультетской кафедры терапии Р. М. Гуревич с ребенком, старший лаборант кафедры гистологии П. Г. Каменко, лаборантка кафедры физики Л. И. Жукова с двумя детьми, препаратор кафедры биохимии Э. С. Якобсон. При тех же обстоятельствах погибли члены семей сотрудников института: мать жены профессора И. А. Бейлина; жена, сын, отец и мать ассистента В. М. Левина; жена профессора С. К. Соловьева; жена ассистента С. Г. Горовиц с ребенком и матерью; мать доцента В. Л. Гербильского; отец преподавателя И.С.Туркенич.Несколькочеловек,неявившихся на «регистрацию», скрывались в окрестностях города, но позже были схвачены гестапо и уничтожены: профессор кафедры глазных болезней Я. Г. Замковский, ассистент кафедры терапии М. М. Гойхман, доцент кафедры биохимии Я. И. Бляхер, ассистент кафедры гинекологии А. И. Равикович, председатель студенческого профкома института И. Я. Заболотный.

Группе научных работников института, взятых на учет в гестапо и уже обреченных, была дана отсрочка, и предложено под «дамокловым мечом» заниматься лечебной работой по специальности, а двум профессорам – Ф. М. Бриккеру и Я. С. Шварцману – даже научной работой. По всей видимости, немцев заинтересовали вопросы лечения онкологических заболеваний и изготовления миоля – лекарства для лечения болезней сердца. 19 сентября 1942 года вся эта группа научных работников была схвачена гестапо, одни – на службе, другие – дома. В их число вошли: профессор кафедры патологической физиологии Ф. М. Бриккер с женой и дочерью, профессор кафедры факультетской терапии Я.С. Шварцман с

женой, профессор кафедры микробиологии Г. С. Барг с женой и дочерью, профессор по курсу рентгенологии Н. М. Безчинская, профессор кафедры госпитальной хирургии А. Б. Френкель с женой, доцент кафедры факультетской хирургии И. М. Фишельсон с женой и дочерью, доцент кафедры психиатрии Т. М. Виленский, доцент кафедры кожно-венерических болезней И. А. Люблинский с матерью, ассистент кафедры госпитальной терапии Х. А. Люблинская. Все указанные лица были уничтожены гестапо 20 сентября 1942 г. путем удушения ядовитым газом по дороге в лес, где закапывались трупы. Дольше всех в застенках гестапо находился профессор Ф. М. Бриккер. Он был удушен газом в промежутке между 25 и 28 ноября 1942 г. [19, л. 17–20].

Сведения о количестве погибших сотрудников и студентов института, содержащиеся в различных документах, разнятся между собой. Так, например, в Справке о состоянии и работе Ставропольского медицинского института за время Отечественной войны за подписью директора института П. В. Полосина, подготовленной в сентябре 1944 г., указано, что «в результате временной оккупации институт потерял 26 человек профессорско-преподавательского персонала и 38 человек их семейств», кроме того, «один профессор (Д. Ф. Окунев) умер в оккупации, в эвакуации умер один профессор (М. Т. Фридман)» [21, л. 37]. В составленном 12 июля 1943 г. Акте комиссии по учету убытков, причиненных немецко-фашистскими оккупантами Ставропольскому медицинскому институту, говорится, что за период оккупации «замучены 33 человека сотрудников и 39 человек членов их семейств, всего 72 человека» [19, л. 17–20]. В других архивных документах в числе погибших указываются 68 работников института и членов их семей, из них: профессоров – 8, доцентов 7, ассистентов – 18, других сотрудников – 3, членов семей – 25 [17, л. 6].

Разброс информации, представленной в различные периоды, объясняется уточнением некоторых данных с течением времени, а также разными подходами к подсчету. Так, в некоторых документах среди погибших была указана проживавшая с сестрой и дочерью ассистент кафедры глазных болезней Ц. И. Линецкая, в то время как оккупантами была уничтожена ее сестра. Кроме того, в некоторых подсчетах не учитывались погибшие студенты вуза.

Рассматривая вопрос о функционировании вуза в период оккупации, необходимо отметить, что попытки возобновить учебный процесс предпринимались оккупационными властями дважды. Впервые о скором возобновлении учебного процесса немцы заявили практически сразу после захвата города. Уже 11 августа 1942 г. в газете «Русская правда» была размещена следующая информация: «Городское Управление разрешило вопрос о финансировании Ставропольского медицинского института. Учебный год в нем предполагается начать с 1 сентября. Сейчас работники института приводят в порядок оборудование и имущество кафедр и клиник» [15, с. 2].

Для руководства вузом в августе 1942 г. оккупационная власть назначила исполняющим обязанности директора медицинского института профессора А. Н. Полонского, ранее заведовавшего кафедрой общей химии. Под его руководством в вузе работала канцелярия, что подтверждается рядом документов, хранящихся в архиве Ставропольского государственного медицинского университета. В качестве примера приведем цитаты из заявления ординатора клиники инфекционных болезней К. А. Огородниковой: «Директору медицинского института. Прошу освободить меня от занимаемой должности с первого сентября с.г. в связи с моим переходом на другую работу. Ставрополь. 29.VIII.1942». На заявление наложена резолюция руководителя: «В приказ. А. Н. Полонский. 29.VIII.1942» [8, л. 14].

Тем не менее, учебный процесс с 1 сентября 1942 г. возобновлен не был. Вероятно, основной причиной этого явились карательные акции в отношении еврейского населения, в результате проведения которых кадровый потенциал института был заметно подорван. Согласно архивным данным в Ворошиловске в период оккупации оставались всего лишь 7 заведующих кафедрами медицинского института, 3 доцента и старших преподавателя, 40 преподавателей и ассистентов [21, л. 42]. Этого количества преподавателей оказалось явно недостаточно для проведения в короткий срок всех необходимых для восстановления учебного процесса мероприятий. В результате подготовительный период вместо нескольких недель занял несколько месяцев.

Говоря о мотивации немцев при решении вопроса об открытии медицинского института, необходимо отметить следующее. Руководствуясь принципом практической необходимости, немцы прекрасно понимали, что без нормального функционирования органов здравоохранения повседневная жизнь, как их собственная, так и местного населения будет просто невозможной. Кроме того, уже в ближайшем будущем гитлеровцы намеревались

сделать на Северном Кавказе зону отдыха и туризма для немецкого населения. В этой связи оккупационные власти не могли не озаботиться подготовкой медицинских кадров [26, с. 336–337]. Косвенным подтверждением того, что немцы вскоре рассчитывали открыть Ворошиловский медицинский институт, является их отказ от открытия в Пятигорске на базе эвакуированных сюда ранее Днепропетровского фармацевтического и Ленинградского медицинского институтов единого вуза медицинской направленности. А занятия со студентами, которые начали проводиться в период оккупации в Кисловодске на базе эвакуированного туда 1-го Ленинградского медицинского института, были в большей степени инициативой самих преподавателей во главе с профессором В. А. Шааком [22, с. 76].

О второй попытке открытия института, а также объеме подготовительных работ становится известно из размещенной 11 декабря 1942 года в газете «Утро Кавказа» информации: «В начале будущего года, по распоряжению Германского Командования возобновляет свою работу Ставропольский медицинский институт. В институте приведены в порядок библиотека, анатомический музей и ряд научных кабинетов. Производится учет оставшихся студентов на первый курс» [33, с. 4].

Вскоре в нескольких номерах той же газеты были помещены объявления: «Медицинский институт в г. Ставрополе с начала 1943 г. возобновляет занятия. Бывшие студенты всех курсов, желающие продолжать свое медицинское образование, приглашены к явке в институт для регистрации. Желающие поступить на 1-й курс, приглашаются к подаче соответствующих прошений с представлением документов о законченном среднем образовании. Лица, желающие работать в Мединституте как из числа бывших сотрудников, так и не служившие в нем, приглашаются к подаче заявлений с приложением соответствующих документов. Прием прошений и заявлений ежедневно в канцелярии Мединститута (Гимназическая, 8) от 10 до 12 часов. Подробные условия о приеме студентов будут объявлены дополнительно. И.о. директора, профессор Полонский» [31, с. 4].

В архиве Ставропольского государственного медицинского университета сохранился ряд заявлений этого периода от преподавателей, вспомогательного персонала и студентов института о приеме на работу или учебу: заявление Р. А. Поморцевой от 14.12.1942 г. о приеме на службу преподавателем английского языка [2, л. 1], заявление Т.Г. Волковой от 15.12.1942 г. о приеме на работу в качестве лаборанта [6, л. 8], заявление О. Е. Гаглазовой от 15.12.1942 г. о приеме на работу на должность лаборанта или библиотекаря [3, л. 7], заявление А. И. Суровикиной от 02.01.1943 о приеме на работу в качестве технички [4, л. 1], заявление З. С. Леперт от 15.12.1942 с просьбой зачислить ее в число студентов для продолжения образования [13, л. 6].

Ввиду того, что профессор А. Н. Полонский погиб в период оккупации, при этом точная дата его гибели не известна, стоит обратить внимание на то, что ряд заявлений написан на имя и.о. директора института, в которых имя руководителя не указано. Судя по всему, это связано с неопределенностью, возникшей после ареста немцами Алексея Николаевича. Пытаясь спасти ассистента своей кафедры И. И. Эрлих и ее мать от уничтожения как лиц еврейской национальности, А. Н. Полонский перешел жить в их семью в качестве фиктивного мужа, но через некоторое время этот обман немцами был раскрыт, все трое арестованы и расстреляны, судя по всему, во второй половине декабря 1942 г. Информация о смерти профессора А. Н. Полонского стала известна семье уже после освобождения города. 31 марта 1943 г. родственникам профессора в связи с его гибелью была выдана справка за подписью директора института П. В. Полосина: «Настоящим Мединститут подтверждает, что, по имеющимся в Мединституте сведениям, исполнявший обязанности Директора Мединститута во время немецкой оккупации с 3-го августа 1942 г. по 21 января 1943 г. профессор Полонский Алексей Николаевич погиб от фашистских зверств» [36, с.189].

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что в двух заявлениях указывается 1 сентября 1942 г. как некая промежуточная дата в трудовой карьере сотрудников, а, соответственно, и в жизни института. Так, в своем заявлении Р. А. Поморцева указывает, что она служила в институте старшим преподавателем английского языка с момента основания до 1 сентября 1942 г., а О. Е. Гаглазова пишет, что работала в институте в качестве библиотекаря с 4 октября 1941 г. до 1 сентября 1942 г.. Можно предположить, что немцы, не сумев обеспечить с 01.09.1942 г. возобновление учебного процесса, официальным образом приостанавливали работу подразделений вуза, непосредственно связанных с обеспечением учебного процесса.

Несмотря на объявленное новыми властями начало работы вуза, занятия и в январе 1943 г.

возобновлены не были. Наиболее вероятным представляется то, что на планы оккупантов повлияло начавшееся 1 января 1943 г. наступление войск Южного фронта на Ростовском и Сальском направлениях. В дневниках немецкого офицера и писателя Э. Юнгера, находившегося в конце 1942 – начале 1943 гг. на Кавказе, говорится, что уже 6 января 1943 г. по пути из Теберды в Ворошиловск дорога была загружена потоками отступающих колонн. 7 января в штабе немецких войск в Ворошиловске царило подавленное настроение, чувствовалась неизбежность разгрома. 8 января распространились слухи, что сообщение с Ростовом прервано [40, с. 281–285]. В результате наступления Красной Армии 21 января 1943 г. войсками 44-й армии при поддержке партизанских соединений город был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. В связи с переименованием Ворошиловска в Ставрополь с января 1943 г. институт стал официально именоваться Ставропольским государственным медицинским институтом. В довольно короткий срок, 8 февраля 1943 г., в вузе начались занятия.

Признавая тот факт, что учебный процесс в вузе в период оккупации так и не был налажен, следует подчеркнуть, что по ряду направлений институт продолжал функционировать. Восстановление полной картины работы вуза во время оккупации затруднено по причине отсутствия соответствующей документации – в частности, штатных расписаний – как на момент начала оккупации, так и на момент освобождения города войсками Красной Армии. Однако сведения о работе отдельных структур вуза во время оккупации сохранились.

Помимо канцелярии под руководством А. Н. Полонского работала инвентаризационная комиссия, в задачи которой входил учет материальных активов вуза. В данном случае немцы преследовали две цели. Во-первых, отбор наиболее ценного оборудования, литературы, научной документации для вывоза в Германию. Такая возможность у немцев появилась уже 15 августа 1942 г., когда из Германии к Ворошиловску стали прибывать немецкие эшелоны по отремонтированной железнодорожной дороге [14, с. 73]. Во-вторых, инвентаризация была необходима и для организации будущего учебного процесса.

Кроме того, на базе вуза была создана медико-аналитическая лаборатория, являвшаяся одним из органов санитарного надзора города, функционировавших с первых дней оккупации. Учитывая имеющийся к этому времени опыт управления захваченными территориями, немецкое командование пыталось использовать медицинские кадры для создания надежной преграды на пути распространения эпидемий. Медики должны были следить за санитарным состоянием города и проводить, в случае острой необходимости, вакцинацию его жителей [26, с. 336–337]. Формально в структуре новой власти за проведение противоэпидемических мероприятий, медосмотр определенных категорий граждан, санитарный надзор за объектами, анализ состояния воды в водопроводе и ряда продуктов на рынках и в магазинах отвечал санитарно-эпидемический отдел. Отдел регулярно составлял отчеты о санитарном состоянии города и о проделанной работе [32, с. 213–220]. По всей видимости, отдел планировал использовать в своей работе результаты мониторинга, проведенного медико-аналитической лабораторией, которую возглавлял специалист в области химии профессор А. Н. Полонский.

Информация об открытии лаборатории, размещенная 2 октября 1942 г. в газете «Ставропольское слово», не только раскрывает некоторые подробности ее работы, но и отражает неопределенность судьбы медицинского института в данный период времени: «Группа ученых – бывших работников медицинского института – открыла в главном здании института медико-аналитическую санитарно-гигиеническую и производственную лабораторию. Она будет обслуживать предприятия, лечебные учреждения, а также врачей и граждан путем проведения медицинских, санитарно-гигиенических и химических анализов. Из санитарно-гигиенических и технологических исследований лаборатория будет производить исследования воды, пищевых продуктов, напитков, топлива, исследование минерального сырья, железа, стали, чугуна, руды, горных пород, посуды, красок, удобрений и т. д. Намечается также в текущем году выпустить витаминные экстракты и лекарства» [28, с. 4]. Примечательно, что месяцем ранее, 4 сентября 1942 г., в той же газете была напечатана заметка о намерении открыть на базе вуза новую поликлинику: «Группа профессорско-преподавательского состава медицинского института наметила открыть на базе института поликлинику. Она будет иметь отделения неотложной помощи, помощи на дому, хирургическое, терапевтическое, акушерско-гинекологическое и глазное» [29, с. 4]. Кроме того, в этот период прозвучало предложение, наиболее ярко характеризующее ситуацию неопределенности вокруг медицинского института. От имени главного редактора газеты «Ставропольское

слово» Б. Ширяева прозвучала настойчивая рекомендация о соединении трех существующих институтов в «единое учебное заведение университетского типа». При этом, по словам автора, «медицинский институт был бы представлен в нем медицинским факультетом» [38, с. 3].

Сотрудниками инвентаризационной комиссии, а также медико-аналитической лаборатории, которым были положены хлебные карточки по 4-й категории, по состоянию на ноябрь 1942 года помимо А. Н. Полонского были: М. И. Захаров (старший инвентаризатор), Е. М. Скублевский (старший инвентаризатор), М. В. Донич (зам. директора), А. Т. Петряева (профессор), Г. Е. Батрак (инвентаризатор), И.Н. Сухотеплый (инвентаризатор), Т. А. Лобова (доцент лаборатории), А. Ф. Платонова-Петровская (доцент лаборатории), А. Т. Салата (доцент лаборатории). После гибели профессора Полонского лабораторию возглавил профессор М. В. Донич [23, с. 72].

Помимо этого следует отметить наличие в вузе службы, отвечающей за пропускной режим и охрану зданий, что подтверждается рядом документов, хранящихся в архиве университета. Так, в написанной через несколько месяцев после освобождения города автобиографии Н.Г. Соколова, работавшего комендантом зданий института по адресу пер. Зоотехнический, 15, указано: «В Мединститут поступил 15/X-1941 и работал непрерывно до сего времени. 6/IV-1943. Соколов» [5, л. 8]. В заявлении ассистента кафедры патологической физиологии В. Н. Жмаева от 02.02.1943 г. говорится, что накануне освобождения города, в ночь на 20.01.1943 и 21.01.1943, он нес дежурство по институту. Показательно, что функционирование вуза во время оккупации он называет «консервацией института» [1, л. 21–22].

О работе клинической базы института во время оккупации следует сказать отдельно. По воспоминаниям очевидцев, во время бомбардировок, еще до захвата Ворошиловска немцами приемный покой городской больницы был переполнен ранеными, привозимыми из разных его районов [14, с. 39]. Больница функционировала весь период оккупации, оставшиеся в городе сотрудники клинических кафедр института продолжали свою работу. Так, из-за невозможности эвакуироваться находился в городе в период оккупации и продолжал заведовать хирургическим отделением горбольницы заведующий кафедрой общей хирургии института профессор П. М. Ковалевский [9, л. 59]. Заведовал терапевтическим отделением горбольницы ассистент терапевтической клиники медицинского института Е. Ф. Симфоров [7, л. 6]. В архивной справке от 09.04.1943 г., уточняющей списки выбывших по различным причинам в период оккупации сотрудников и студентов института, содержится информация, подтверждающая работу операционного отделения городской больницы (заведующий – профессор В. В. Лауэр), инфекционного отделения больницы (заведующий – профессор Б. Я. Падалка), родильного отделения больницы (кафедра акушерства и гинекологии) и ряда других клинических кафедр института [12, л. 3–5]. В ортопедическом отделении детского интерната продолжал работать будущий заведующий кафедрой ортопедии и травматологии профессор М. С. Макаров [10, л. 18].

Таким образом, все «благие» намерения немецких властей об открытии медицинского института с отступлением оккупантов остались нереализованными. Более того, уходя из Ворошиловска, немцы причинили всему городу, в том числе и медицинскому институту, колоссальные убытки.

После освобождения города для выяснения и учета убытков, нанесенных Ставропольскому медицинскому институту и его сотрудникам в период оккупации, была организована специальная комиссия под председательством профессора А. Т. Петряевой, составившая соответствующие акты об убытках в денежном выражении [11, л. 45]. Кроме того, ввиду важности проблемы лечения онкологических заболеваний и ценности разрабатываемого в лаборатории института препарата из авторитетных ученых была создана комиссия для выявления научного наследства, оставшегося после смерти профессора Ф. М. Бриккера [11, л. 86, 114].

Общий ущерб, нанесенный немецко-фашистскими захватчиками Ставропольскому медицинскому институту, составил 3 401 100 руб. Стоимость уничтоженного хозяйственного инвентаря и оборудования составила 1 890 025 руб., учебного оборудования и аппаратуры – 279 300 руб., стоимость похищенного личного имущества научных работников – 1 231 680 руб. [23, с. 78]. В составленной уже после реэвакуации Днепропетровского медицинского института Справке о состоянии и работе Ставропольского медицинского института за время войны за подписью П. В. Полосина внесены некоторые уточнения и дополнения к информации, содержащейся в актах комиссии. В частности отмечалось, что общие материальные потери института за вычетом потерь Днепропетровского вуза, составили 1 143 550 руб. [21, л. 37–38]. В документах отмечался

ущерб, нанесенный клинической базе института. Так, полному разрушению подверглось здание городского родильного дома, где размещались клиники акушерства и гинекологии, нервных болезней и факультетской терапии. Частично было расхищено специальное имущество хирургических и терапевтических клиник, располагавшихся в городской больнице, отмечалась пропажа бумаги, наглядных пособий, учебников и учебных пособий.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов относительно функционирования Ворошиловского медицинского института во время оккупации города немецко-фашистскими захватчиками.

К моменту оккупации вуз, имея в своем распоряжении обширную материально-техническую базу, был полностью укомплектован необходимыми кадрами и готов к выпуску довольно большого количества специалистов.

Прерванный учебный процесс в Ворошиловском медицинском институте в период оккупации города восстановлен не был. Одной из причин, по которой институт не смог возобновить свою работу, стало уничтожение значительной части профессорско-преподавательского состава.

Тем не менее, в вузе в период оккупации на базе института была создана медико-аналитическая лаборатория, обеспечивавшая проведение медицинских, санитарно-гигиенических и химических анализов. Функционировала инвентаризационная комиссия, проводившая учет имущества. Продолжали вести лечебную работу на клинических базах института отдельные его сотрудники.

Начавшееся в первых числах января 1943 года наступление советских войск окончательно поставило точку в вопросе открытия вуза немецкими властями. Ставропольский медицинский институт открыл свои двери для сотен студентов после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков в феврале 1943 года. При этом он стал первым медицинским вузом на Северном Кавказе, возобновившим свою деятельность после оккупации и принявшим в своих стенах студентов и преподавателей из многих регионов нашей страны.

Источники и литература

1. Архив Ставропольского государственного медицинского университета (далее – СтГМУ). Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 67.
2. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 74.
3. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 92.
4. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 123.
5. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 125.
6. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 134.
7. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 516.
8. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 980.
9. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 1680.
10. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 3553.
11. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 1.
12. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 350.
13. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 500.
14. Беликов Г.А. Оккупация. Ставрополь: Фонд духовного просвещения, 1998. 151 с.
15. Городская жизнь // Русская правда. 1942. 11 августа.
16. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-2431. Оп. 1. Д. 26.
17. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 1. Д. 243.
18. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 6.
19. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 858.
20. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 862.
21. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 4. Д. 13.
22. Карташев А. В. Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №2. С. 73–80.
23. Карташев А. В., Пахомов В. Н. Ставропольский медицинский институт в годы войны // На рубежах Кавказа: сборник докладов, выступлений, научных статей по материалам научно-практических конференций СтГМА, посвященных 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь: СтГМА, 2010. 194 с.
24. Ключникова Л. Г. Академия в воспоминаниях первого выпускника // На рубежах Кавказа: сборник докладов, выступлений, научных статей по материалам научно-практических конференций СтГМА, посвященных 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь: СтГМА, 2010. 194 с.
25. Кононенко В. М. Вузы Юга России в годы Великой Отечественной войны // Учебные материалы по истории URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5295 (Дата обращения: 05.02.2018).
26. Линец С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: Состояние и особенности развития, июль 1942 – октябрь 1943 гг. М.: РГБ, 2003. 657 с.
27. Мир Кавказу: общая Память – общая Судьба // Материалы Ставропольской городской научно-практической конференции. Ставрополь: СтГМА, 2011. 283 с.

28. Новая лаборатория // Ставропольское слово. 1942. 2 октября.
29. Новая поликлиника // Ставропольское слово. 1942. 4 сентября.
30. Объявления // Русская правда. 1942. 16 августа.
31. Объявление // Утро Кавказа. 1942. 16 декабря; 18 декабря.
32. Ованесов Б. Т., Судавцов Н. Д. Здравоохранение Ставрополья (1918–2005 гг.). Ставрополь: Стройиздат-Грантстрой, 2007. 544 с.
33. Открытие медицинского института // Утро Кавказа. 1942. 11 декабря.
34. Приказы и распоряжения // Русская правда. 1942. 7 августа.
35. Склярова Е. К., Гутиева М. А., Карташев А. В., Камалова О. Н. Вузы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Ростов н /Д: СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2016. 122 с.
36. Ставропольский медицинский: дорогами войны: биографический справочник / сост.: А. В. Карташев, А. К. Курьянов, С. М. Дугинец, Р. С. Спевак, К. В. Теплякова, О. А. Гейко. Ставрополь: СтГМУ, 2015. 232 с.
37. Тюленев И. В. Через три войны. Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2007. 399 с.
38. Университет или 3 института? // Ставропольское слово. 1942. 23 августа.
39. Шамилева М. Д., Линец С. И. Состояние органов здравоохранения Ставропольского края в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 г. – январь 1943 г.) // Университетские чтения. Часть 11. Пятигорск: ПГУ, 2014. С.148–152.
40. Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945) / пер. с нем. Н. О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2002. 784 с.

References

1. Archive of the Stavropol State Medical University (StGMU). F. R-2431. Inv. 2a. D. 67. (In Russian).
2. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 74. (In Russian).
3. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 92. (In Russian).
4. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 123. (In Russian).
5. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 125. (In Russian).
6. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 134. (In Russian).
7. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 516. (In Russian).
8. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 980. (In Russian).
9. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 1680. (In Russian).
10. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 3553. (In Russian).
11. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 3. D. 1. (In Russian).
12. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 3. D. 350. (In Russian).
13. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 3. D. 500. (In Russian).
14. Belikov G. A. Okkupatsiya *(Occupation)*. Stavropol': Fond dukhovnogo prosveshcheniya, 1998. 151 p. (In Russian).
15. Gorodskaya zhizn' *(City life)* // Russkaya pravda. 1942. August 11. (In Russian).
16. State archive of Stavropol territory (GASK). F. R-2431. Inv. 1. D. 26. (In Russian).
17. GASK. F. R-2431. Inv. 1. D. 243. (In Russian).
18. GASK. F. R-2431. Inv. 3. D. 6. (In Russian).
19. GASK. F. R-2431. Inv. 3. D. 858. (In Russian).
20. GASK. F. R-2431. Inv. 3. D. 862. (In Russian).
21. GASK. F. R-2431. Inv. 4. D. 13. (In Russian).
22. Kartashev A. V. Rabota vysshikh uchebnykh zavedenii na Stavropol'e v period Velikoi Otechestvennoi voiny *(The Work Of Higher Education Institutions In The Stavropol Region During The Great Patriotic War)* // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2016. No. 2. P. 73–80. (In Russian).
23. Kartashev A. V., Pakhomov V. N. Stavropol'skii meditsinskii institut v gody voiny *(Stavropol Medical Institute During The War)* // Na rubezhakh Kavkaza: sbornik dokladov, vystuplenii, nauchnykh statei po materialam nauchno-prakticheskikh konferentsii StGMA, posvyashchennykh 65-i godovshchine Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine. Stavropol': StSMA publ., 2010. 194 p. (In Russian).
24. Klyuchnikova L. G. Akademiya v vospominaniyakh pervogo vypusknika *(Academy In Memories Of The First Graduate)* // Na rubezhakh Kavkaza: sbornik dokladov, vystuplenii, nauchnykh statei po materialam nauchno-prakticheskikh konferentsii StGMA, posvyashchennykh 65-i godovshchine Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine. Stavropol': StSMA publ., 2010. 194 p. (In Russian).
25. Kononenko V. M. Vuzy Yuga Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny *(The Universities Of South Russia During The Great Patriotic War)* // Uchebnye materialy po istorii URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5295 (Accessed: 05.02.2018). (In Russian).
26. Linets S. I. Severnyi Kavkaz nakanune i v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii: Sostoyanie i osobennosti razvitiya, iyul' 1942 – oktyabr' 1943 gg. *(The North Caucasus Before And During The Nazi Occupation: The Status And Features Of Development, July 1942 – October 1943)*. Moscow: Russian State Library publ., 2003. 657 p. (In Russian).
27. Mir Kavkazu: obshchaya Pamyat' – obshchaya Sud'ba *(Peace To The Caucasus: Common Memory – Common Destiny)* // Materialy Stavropol'skoi gorodskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Stavropol': StSMA publ., 2011. 283 p. (In Russian).
28. Novaya laboratoriya *(New Laboratory)* // Stavropol'skoe slovo. 1942. October 2. (In Russian).
29. Novaya poliklinika *(New Polyclinic)* // Stavropol'skoe slovo. 1942. September 4. (In Russian).
30. Ob»yavleniya *(Announcement)* // Russkaya pravda. 1942. August 16. (In Russian).

31. Ob»yavlenie *(Announcement)* // Utro Kavkaza. 1942. December 16, December 18. (In Russian).
32. Ovanesov B. T., Sudavtsov N. D. Zdravookhranenie Stavropol'ya (1918–2005 gg.) *(Health Care Of The Stavropol Region (1918–2005).* Stavropol': Stroiizdat-Grantstroi, 2007. 544 p. (In Russian).
33. Otkrytie meditsinskogo instituta *(The Opening Of The Medical Institute)* // Utro Kavkaza. 1942. December 11. (In Russian).
34. Prikazy i rasporyazheniya *(Orders)* // Russkaya pravda. 1942. August 7. (In Russian).
35. Sklyarova E. K., Gutieva M. A., Kartashev A. V., Kamalova O. N. Vuzy Severnogo Kavkaza v gody Velikoi Otechestvennoi voiny *(The Universities Of The North Caucasus During The Great Patriotic War).* Rostov on Don: SFU publ., 2016. 122 p. (In Russian).
36. Stavropol'skii meditsinskii: dorogami voiny: biograficheskii spravochnik *(Stavropol Medical Institute: Roads Of War: A Biographical Dictionary)* / sost.: A. V. Kartashev, A. K. Kur'yanov, S. M. Duginets, R. S. Spevak, K. V. Teplyakova, O. A. Geiko. Stavropol': StSMU publ., 2015. 232 p. (In Russian).
37. Tyulenev I. V. Cherez tri voiny. Vospominaniya komanduyushchego Yuzhnym i Zakavkazskim frontami. 1941–1945 *(Through Three Wars. Memories of the Commander of the Southern and Transcaucasian Fronts. 1941–1945).* Moscow: Tsentrpoligraf, 2007. 399 p. (In Russian).
38. Universitet ili 3 instituta? *(One University Or 3 Institutes?)* // Stavropol'skoe slovo. 1942. August 23. (In Russian).
39. Shamileva M. D., Linets S. I. Sostoyanie organov zdravookhraneniya Stavropol'skogo kraya v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii (avgust 1942 g. – yanvar' 1943 g.) *(The State Health Authorities Of The Stavropol Territory during Nazi Occupation (August 1942 – January 1943)* // Universitetskie chteniya. Part 11. Pyatigorsk: PSLU, 2014. P. 148–152. (In Russian).
40. Yunger E. Izlucheniya (fevral' 1941 – aprel' 1945) *(Strahlungen)* / translated by N. O. Guchinskoi, V. G. Notkinoi. St.Petersburg: Vladimir Dal', 2002. 784 s. (In Russian).